

0. Ноябрь

Если в город пришел ноябрь — всему конец. Яркое потускнеет, радостное облезет серыми хлопьями тоски, все, что нравилось, — вывернется наизнанку и превратится в свою злую сестру-близняшку.

Никогда нельзя допускать ноябрь в город. Он сожрет душу каждого, кто надел желтую или красную куртку, улыбнулся до двенадцати дня, выпил кофе с мятой, не отложил никаких удовольствий до следующего года, сумел выбраться из тьмы.

Общеизвестно, что в ноябре рождаются только убийцы и неудачники. Тускнеют небеса, гниют листья, серый дождь слизывает с небоскребов гламурный блеск, и во всем, что есть в мире, появляется оттенок серого.

Пепельные розы, грязно-белый, охра. Вы видели охру? Это же больной оранжевый. Что такое вообще — грязно-белый? Разве это цвет?

Вы были в городе, где ноябрь длится дольше месяца? Люди там боятся вечной зимы, чистоты снегов, прозрачной честности льда. Страшится ясных правил и простых решений. Тьма наступает с востока и длится до апреля, когда из-под черной корки снега вылезают мертвецы с землистыми лицами.

Тут и захочешь смерти, но ноябрь пожрет волю, завернет в полиэтилен и сверху в стекловату, как толстые трубы, лежащие в земле.

Если тебе повезет — в ноябре ты умрешь первым.

Яна Витт

Когда все только начнется — собьет машина, подхватишь пневмонию, получишь нож в печень однажды вечером, возвращаясь с прогулки с собакой. Ты умрешь, проклиная злую судьбу, не подозревая, как она была щедра к тебе.

Ведь следующие погибнут куда хуже: ноябрь вывернет их наизнанку, заставит протухнуть кровь прямо в венах. Поползут по предплечьям костяные наросты, вытечет черной струйкой душа прямо под ноги ему — ноябрю.

У ноября злые зеленые глаза, бледная кожа, испачканные землей длинные тонкие пальцы, волосы цвета старого золота и кровоточащие раны, распахивающие хищные улыбки, когда он разводит руки в стороны, и ты видишь огромную дыру на месте его сердца.

Ноябрь пришел в город.

Всему конец.

Но последней умрет та, чья жизнь оказалась нужна сразу двум богам этого мира — старому и новому.

1. Кристина

Стоунхендж оказался не таким, как Кристина ожидала. Она думала — увидит подавляющие величием гигантские столбы, фоныящие древней магией, как чернобыльские леса — радиацией. Она хотела дотронуться до них и ощутить все семь тысяч лет, спрессованные в неровности шероховатого камня, закрыть глаза и ощутить, как ее пронизывает волшебство древней земли.

Но в реальности Стоунхендж был не такой уж высокой постройкой, огороженной заборчиками от туристов. Ярко-зеленый даже в ноябре луг, ярко-синее небо — отличный фон для фотографий. И даже ветер удачно развеивает волосы для селфи. Вся группа Кристины пофоткалась у камней, в том месте, где разрешено подойти к мегалиту метров на пять, и потом — еще издали, чтобы было видно стоящие кругом календарные глыбы на холме.

Немилосердный ноябрьский ветер выдувал из головы все мысли: температура в Уилтшире хоть и плюсовая, но даже зимние куртки, достойно выдерживающие суровые морозы в Москве, пасовали перед пронизывающим буйством. Парни из группы потоптались минут пять, но не выдержали и потянулись к автобусу.

Кристина натянула шапку поглубже, а сверху накинула капюшон. Видок получился не для селфи, но ей было жаль так быстро уезжать. Вряд ли она снова когда-нибудь сюда попадет. Да и вообще в Англию.

Почти все, кто был удостоен «экскурсионно-поощрительной» поездки в честь победы в городской олимпиаде по английскому, могли запросто позволить себе такое путешествие. Но, конечно, вряд ли провели бы неделю в Англии, зависая в Национальной галерее или Британском музее. В Лондоне есть и более веселые места. И уж точно не поперлись бы четыре часа на автобусе, чтобы десять минут пофоткаться на ветреном холме.

— Крис, ты идешь? — Варя не носила шапку, потому что «некрасиво», и капюшона на ее куртке не было, поэтому она надела наушники, чтобы хоть как-то не продуло. Бессмысленное действие, но очень милое.

— Рядом — памятник неолита постарше Стоунхенджа. — Кристина рассматривала карту. — Я туда стоняю и вернусь. Мы все равно на последнем автобусе до Лондона?

— Крис, зачем тебе холмики и рвы, ничего интересного вообще! — заныла Варя. — Давай кофе выпьем лучше. И там музей есть, можно прямо камень из Стоунхенджа руками потрогать! Тебе ж интересно!

— Интересно, — вздохнула Кристина. — И кофе хочу. Но камень — успею, а холмы...

— ...никуда не убегут, если за семь тысяч лет не убежали.

— Варь, ну иди одна...

— Блин, Васильева, ты такая зануда, ужас. В паб не пошла, в клуб тоже отказалась...

— Вам ведь пиво не продали, какой смысл?

— Ты упоротая по древностям! Смысл в том, что в пабе бухал Диккенс!

— Диккенс, похоже, не обделил вниманием ни один паб Лондона.

— Я и говорю, зануда. Ладно. — Варя махнула рукой. — Я — на шаттл до музея, не хочу пешком.

Кристина помахала ей и направилась к дороге, за которой расстилались невероятно зеленые поля, а по ним бродили упитанные коровы. К тем самым курганам вела деревянная калитка с чугунной щеколдой. Выглядела она так, будто ее вчера сотворили в цехе реквизита для съемок «Хоббита» — со всеми положенными потертостями и вьюнком, взбирающимся по толстым брускам.

Щеколда глухо стукнула, упав на место, деревянная калитка скрипнула, но больше никаких звуков на поле слышно не было, только тихо-тихо шептал ветер, трогая высохшие травы на вершине кургана.

Кристина взобралась на курган, увидела впереди еще два похожих и поле с пасущимися коровами, темную рощу, окруженную высокой оградой, а за ней — дорогу к музею, по которой пылил автобус-шаттл, увозивший Варю и парней.

Налево дорога вводила к Стоунхенджу, куда стекались ручейки туристов.

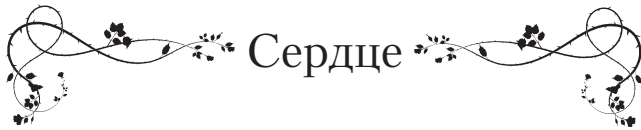
Но все это было словно в немом кино — здесь, на холме, царила непроницаемая тишина, и Кристина вдруг наконец ощутила древнюю магию, которую тщетно искала у старых камней.

Откуда-то из земли, из глубины, скрытой под сочной зеленой травой, к ней тянулось что-то древнее, но знакомое. Страшное, но родное. Невероятно могущественное и огромное, но звенящее острой нотой возвращения домой после долгих странствий.

Яна Витт

Кристина опустилась на колени, прижала ладони к земле и закрыла глаза. И планета толкнулась ей в пальцы всей своей мощью.

Синее небо мгновенно заволокло черными тучами, и на Уилтшир стеной обрушился ливень.

В глубокой и пыльной тьме золотое сердце вдруг дернулось, рассылая по незримым артериям и венам мира сверкающие искры, осветило тесное пространство и... забилось.

Медленно, невероятно медленно, один удар в минуту, но ровно и сильно, проталкивая через себя магию — кровь живого мира.

2. Ирн

Зашевелились поблекшие листья, расплзлась под струями дождя жирная коричневая грязь. Из ночной тьмы на землю выливались потоки воды — часами, днями. Влага пропитывала почву до самых глубин, до тех слоев, что не помнили света звезд.

И оттуда, из мешанины давно сгнивших тропов, истлевших трав, осколков горшков и расплзающихся на волокна погребальных одежд, на поверхность начало выбираться нечто древнее, очень мрачное и злое.

Сначала появилась бледная, испачканная грязью рука. Тонкие длинные пальцы, похожие на паука-умертвие, ощупали все вокруг: мокрые листья, липкую чавкающую землю, скользкую от дождя траву. Судорожно, нервно, словно не веря.

Неделя после Самайна*. Поздновато для воскресших мертвецов. Все они давно восстали, опали, рассыпались, превратились в перегной, удобрили будущие кормовые луга. Кто бы ты ни был — ты опоздал.

Вслед за рукой появилась вторая. Обе уперлись в поддающуюся грязь, ухватились за толстые подземные корни и потащили за собой все остальное: тощее тело, изрезанное ранами, из которых до сих пор сочилась черная кровь. Светлые волосы прилипли

---

* Осенний праздник у кельтов, посвященный окончанию уборки урожая. (Здесь и далее прим. ред.)

к острым скулам, худое лицо уродовала злобная ухмылка.

Но зеленые глаза — цвета травы на кельтских равнинах — распахнулись в дождливой тьме и тотчас сузились, оглядывая круг сплетающихся ветвей орешника, труп белки под ногами, облачное небо над головой и обнаженное свое тело, где, прямо в груди, на месте сердца зиял провал.

Да, он опоздал. На десять тысяч лет, на жизнь, на несколько часов, коих его врагам хватило для того, чтобы убить Айну, — на несколько мгновений, которых не хватило ему, чтобы распознать ловушку. Вот и теперь он не успел — будь сегодня Самайн, знал бы, где взять самый страшный меч, объявить битву и уничтожить всех, кто погубил его.

Но они впустили ноябрь. Они впустили ноябрь в город, и, значит, сражение неизбежно.

Глаза Ирна были полуслепы после тысячелетий под землей. Он стирал с лица дождь, но тот снова застилал взгляд. Распахнутые раны саднили и пачкали черной кровью бледную кожу. А там, где зияла дыра, и вовсе выжигало холодом. Но он пробудился, вернулся, а им придется придумать для него титул пострашнее, чем Кровавый Король. Если им не понравилось, что он устроил после смерти своей золотой Айны, как же им не понравится то, во что он превратит мир сейчас, когда собирается отомстить!

Киндеирн, Кровавый Король, вестник ноября, привычно протянул руку не глядя — призывая регалии. Нетерпеливо дернул пальцами. Неподалеку он чувствовал ольху, свое дерево, и она должна была отдать корону, меч и плащ. Но на повторный жест — уже с раздражением — она снова не откликнулась, даже не шевельнула листьями.

Ирн повернул голову, с изумлением взирая на мертвое дерево. Совсем неживое. В листьях тек древесный сок, корни питались тем, что добывали из плотной

ЧЕРНАЯ КРОВЬ НОЯБРЯ

богатой почвы, ветви шумели на ветру, но в ольхе не ощущалось ни капли магии, ни капли жизни. Пустота выжрала ее изнутри.

Он обратился к могучему дубу — триста или четыреста лет, его душа наверняка слишком гордая для служения забытому королю, но Ирну будет приятно ее сломать, ведь его взбесила пустышка-ольха. Но и дуб не шевельнулся, не откликнулся.

Вообще.

Ни подчинения, ни битвы, ни капли золотого сока в древесных жилах.

Мертв.

И они все мертвы.

Каждое дерево — с облетевшими листьями, с обвисшими под тяжестью капель ноябрьского дождя ветвями, с мягкими зимними иглами.

Каждый куст — усыпанный красными, белыми или черными ягодами.

Каждый цветок.

Везде — пустота.

Ни одной поганой дриады, ни одной души воина, ни одного оплаканного ребенка.

Можно сломать любую ветку, срубить любой ствол — никто не шелохнется, не заплачет.

Никто не отдаст ему плащ, корону и меч.

3. Кристина

— **З**начит, так, обратно летим двумя группами. Я называю фамилию, вы отходите налево или направо!

Ночью в Гэтвике было довольно шумно, разлетались по далеким городам последние вечерние самолеты. Компания олимпиадников старательно вжималась в Людмилу Сергеевну, второго завуча, которой и повезло — во всех смыслах, прямом и обратном, — сопровождать их в Англию.

— Васильева направо! Домбровская налево!

— Эй, как же так! — Варя ухватила Кристину под руку и замотала лохматой рыжей головой. — Я Кристю никуда не отпущу!

— Домбровская! Те, кому транспортные расходы возместили родители, летят прямым рейсом, а те, кому фонд, — с пересадкой. Все справедливо. Отлипни от Васильевой и иди к своей группе. С вами будет Максим Геннадьевич.

Максим Геннадьевич... Сын директрисы их школы, формально — учитель обществензнания, фактически — просто оболтус двадцати пяти лет, которому после халявного пединститута мама приберегла теплое местечко под боком. Понятное дело, что и в Англию сопровождать подростков полетел именно он, и на прямой рейс преподу достался билет не только по блату, но и потому, что на пересадке этот великовозрастный придурок растерял бы всех подопечных.

Но Людмиле Сергеевне было не легче.

— Моя группа отходит в сторонку и ждет, когда я вернусь с посадочными. Остальным можете помахать. Нет, в дьюти-фри нельзя. Шоколадки на пересадке купите.

— А долгая пересадка-то? — Вик, который попал в благотворительную группу исключительно по той причине, что богемные родители попросту забыли о презренных деньгах, кажется, особо не расстраивался. Он умел и любил находить приключения в любых условиях.

— Двенадцать часов. — Завуч утомленно сжала виски кончиками пальцев.

— Фигасе, — протянул он. — А чего не пару суток?

— Потому что иначе было бы сорок минут. А мне в тридцать пять лет инфаркт не нужен — носиться за вами по всему аэропорту, чтобы в самолет загнать. Ничего, Бойко, считаешь литературу по программе.

Неведомая девушка на стойке регистрации сделала Кристине роскошный подарок — три с половиной часа вдали от группы. И пусть кресло в конце салона не откидывалось, а рядом постоянно топтались желающие занять туалет, она была благодарна, что может попрощаться с прекрасной Англией и провести время в «одиночестве».

То был последний праздник перед долгими месяцами подготовки к ЕГЭ, поступлением, учебой. Кристине придется искать, где подработать, чтобы не сидеть у матери на шее. И шанс полететь за границу, хотя бы в дешевую турецкую трешку, появится только после окончания колледжа, когда она устроится на нормальную работу.

А в другом конце салона бесились остальные — Вик требовал от стюардесс то шампанского, то раскраску для детей, раз алкоголь нельзя. Людмила Сергеевна зычным зовом пыталась его усмирить. Остальные подыгрывали то одной, то другой стороне. Пассажиры

мечтали в следующий раз оказаться на рейсе с десятью младенцами, а не с горсткой одиннадцатиклассников. Утомились все.

В итоге пассажиры и стюардессы с мигренью по прибытии отправились пить валерьянку и старательно забывать перелет, а вот пять человек во главе с вымотанным завучем устроились в транзитной зоне маленьким бесноватым лагерем, готовясь скучать бесконечные двенадцать часов.

Людмила Сергеевна прислонилась к стеночке, укрылась курткой и засопела, наивно предположив, что теперь подопечные уже никуда не денутся. Так бы и получилось, если бы в стадо бедных овецек, облагодетельствованных благотворительным фондом, не затесался оторва Вик.

— Васильева! — Свистящий шепот выдернул Кристину из полусна, в котором она босиком ступала по мокрой траве у Стоунхенджа и несла каменную плешку в замерзших ладонях.

Зал стамбульского аэропорта даже поздней осенью выстуживался кондиционерами, дремать было зябко и в зимней куртке. Кристина приоткрыла глаза — у ее ног на корточках сидел Вик.

— Чего тебе?

Вик ей никогда не нравился.

Он презирал всех — и нищих, как она, и мажоров, считая нормальными людьми только «свой круг» и друзей родителей-художников.

Он ввязывался в любой кипиш и неизменно выходил победителем. Кристина же была полной противоположностью — если десять человек перейдут улицу на красный, оштрафуют лишь ее одну.

Подруга Варька умирала по нему весь десятый класс, а он знал и не уставал прикалываться по этому поводу.

— Мы собираемся слинять в город. Тут меньше часа на метро до центра. Гранд-базар, Босфор, Ленка хочет посмотреть на дворец султана. Ты с нами?

— Не-а. — Кристина поглубже нахлобучила капюшон куртки и спрятала заледеневшие пальцы в рукава.

— Васильева! Ну ты чего! Если мы все сбежим, никому не влетит.

— Вик, уйди, — не открывая глаз, ответила она. — Я в твоих делах не участвую с седьмого класса, когда было «если сбежим, прогул никому не поставят».

— А ты злопамятная! — Вик щелчком откинул ее капюшон. — А если... — Он притворился, что задумался, но было очевидно — план составлен заранее, а на простое согласие парень и не рассчитывал. — Если я тебе куплю билет в Айя-Софию? Вот сейчас, онлайн. Надо четыре часа в очереди стоять, а ты сразу пройдешь. А?

— Да зачем я вам! — взмолилась Кристина, хотя в собор Святой Софии она очень — прямо-таки страшно — хотела. Она же «упоротая по древностям», как говорит Варя. И дополнительный маленький подарок в виде целого дня в сказочном Стамбуле... увы, она не могла отказаться.

— Зачем ты нам вообще сдалась, гуляй где хочешь. Но сбежать мы должны всем составом.

Кристина долго смотрела на Вика, и у того по морде расплзалась довольная улыбка — рыбка попалась на крючок.

А рыбка думала, что еще пожалеет. Точно пожалеет.

4. Ирн

Зеленые глаза сощурились — Ирн узнал это место. То самое, где он попал в ловушку.

Здесь оставалась магия Айны, которая спутывала его золотом и счастьем, и он, десять тысяч лет назад, промедлил на несколько мгновений, еще раз захотев ощутить прикосновение ее пальцев.

Золотые нити опутали его, вонзились под кожу, превратились в ядовитых змей, яд растекся в крови, отравил ее и сделал черной, а мечи из холодного железа полоснули по мышцам, разрывая их в клочья.

Эльфы визжали от боли, сжимая рукояти клинков, падали с обгоревшими руками, но оружие поднимали следующие за ними — чтобы воткнуть в тело Кровавого Короля.

Его мечь была сладкой, как кровь фейри, золотой, как кровь фейри, алой, как кровь фейри.

Их мечь была горькой и темной, жуткой и болезненной. Она губила их самих, но фейри должны были убить его, чтобы выжить, ибо он поклялся — не останется на свете ни единого из дивного народа.

И сейчас их здесь нет. Ни одного — даже деревья растут без души. Но Ирну нужен его плащ, его меч и его корона. И он снова щурится, выглядывая ту, что поможет ему.

— Сними это.